

Ievgen Chernoiivanenko

Odeski Narodowy Uniwersytet im. Ilii Miecznikowa

**«ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
КОМПОЗИТОРА ФОЛТЫНА»:
ЗАГАДКА ПОСЛЕДНЕГО РОМАНА
КАРЕЛА ЧАПЕКА**

Романы Карела Чапека 30-х годов были и поныне остаются загадкой для литературоведов и читателей. Художественный их уровень неоспоримо высок. Подтверждением тому может служить хотя бы факт выдвижения Чапека целым рядом крупнейших европейских писателей на Нобелевскую премию 1936 года, прежде всего за его романы. Загадкой же является то, почему именно в это время Чапек писал именно эти свои романы.

Почему вначале 30-х, в период обострения социальных, экономических, политических противоречий в Чехословакии, Чапек пишет свою «философскую трилогию» «Гордубал», «Метеор», «Обыкновенная жизнь», решая в ней, казалось бы, чисто философскую проблему, способен ли человек к настоящему познанию и пониманию другого человека? Почему ещё за четыре года до начала второй мировой войны, когда ничто не предвещало грядущую мировую катастрофу, Чапек начинает писать самую мрачную свою антиутопию – роман «Война с саламандрами»? Но, пожалуй, самым парадоксальным в этом отношении оказался всем последний роман писателя – «Жизнь и творчество композитора Фолтына», окончить который Чапеку уже было не суждено.

Чапек начинает писать роман о Фолтыне в октябре 1938 года, сразу после мюнхенского сговора, ставшего катастрофой для Чехословакии. 30 сентября в Мюнхене Англия, Франция, Германия и Италия подписали договор, по которому Чехословакия должна отдать Судетскую область Германии. В тот же день была подписана декларация о взаимном ненападении между Великобританией и Германией, чуть позднее – такая же декларация с Францией. Вернувшись из Мюнхена в Лондон, английский премьер Невилл Чемберлен у трапа самолёта гордо заявит: «Я привёз мир нашему поколению».

Однако не все думали так. Уинстон Черчилль через три дня после Мюнхена скажет: «Англии был предложен выбор между войной и бесчестием. Она выбрала бесчестие и получит войну». Понимал это и

Чапек – понимал ясно и давно. За три года до Мюнхенской конференции он в романе «Война с саламандрами» изобразил конференцию мировых держав в столице Лихтенштейна Вадуце, поразительно точно предугадав то, что случится в Мюнхене. В отличие от Чемберлена и большинства других политиков Чапек понимал, что Гитлер не удовлетворится одной только Судетской областью, что после этого он оккупирует всю Чехословакию, а потом пойдёт дальше. Позднее именно так всё и случилось.

Все знавшие писателя единодушно свидетельствуют, что Мюнхен был для Чапека страшным ударом, став причиной его скорой смерти в рождественскую ночь 1938 года. Он был потрясён предательством его родины великими державами, торжеством близорукого эгоизма и циничной безнравственности в отношениях между цивилизованными европейскими государствами. Кроме того, на него, как свидетельствует его тесть и коллега по газетной работе Карел Шайнпфлюг, «...обрушилась и злоба тех, кто в своём отчаянии стремился найти виновников несчастья и связывал его имя с трагической ситуацией народа, полагая, что если бы он в своих произведениях вместо демократии, человеческой порядочности и веры в достоинство человека пропагандировал нацизм и Гитлера, всё обернулось бы лучше. На него начали нападать газеты, и почти каждый день почтальон приносил кучу грубых анонимных писем, в которых Чапека обвиняли в несчастьях народа»¹.

Гитлер ещё не оккупировал Чехословакию, но в ещё свободной стране уже запрещают антидиктаторскую пьесу Чапека «Белая болезнь» и поставленный по ней фильм. В ещё свободной стране в угоду грядущим оккупантам уже начинают притеснять евреев. Видя это всё, трудно было избавиться от впечатления, что мир утратил всякие нравственные ориентиры.

Чапек знает, что его ждёт после оккупации: ему сообщили, что гестапо уже составило список чехов, которых нужно уничтожить в первую очередь, и он, Чапек, третий в этом списке. Он мог бы воспользоваться предложениями английского правительства улететь в Лондон: в ноябре 1938-го за ним специально прилетает редактор «Таймс», но он отказывается. Чапек не счёл возможным принять помощь от людей, предавших в Мюнхене его родину. Что ждёт его здесь – виселица, расстрел или мучительная смерть в концлагере, постигшая его любимого брата и соавтора Йозефа Чапека в печально известном Берген-Бельзене в апреле 1945-го?

Судьба будет милостива к Карелу Чапеку, избавив его от этого: через две недели после визита редактора «Таймс», провожая морозным декабрьским вечером навестивших его друзей до калитки своего дома и

¹ К. Шайнпфлюг, *Осень с Карелом Чапеком*, [в:] *Карел Чапек в воспоминаниях современников*. Москва 1983, с. 262.

долго прощаясь с ними, словно зная, что навсегда, Чапек простудится, заболит воспалением лёгких и через несколько дней умрёт в вечер Рождества.

После Мюнхена Чапеку суждено будет прожить меньше трёх месяцев, всего 85 дней. Всё это время он будет напряжённо работать, чувствуя, что то, что он сейчас пишет, – его последнее произведение. Этим последним произведением стал для него роман «Жизнь и творчество композитора Фолтына», совершенно неожиданный для этих обстоятельств. Если бы Чапек написал ещё одну «Войну с саламандрами», ещё одну мрачную антиутопию, – это было бы вполне логично; если бы он написал роман, призывающий к вооружённой борьбе с фашизмом (а эту идею он громко высказал в своей пьесе «Мать», премьера которой прошла в феврале 1938 года, ещё перед Мюнхеном), – это было бы вполне понятно.

Но роман о бесталанном амбициозном юноше, всю жизнь стремившемся доказать, что он великий композитор, о самолюбивом и беспринципном лгуне, маниакально одержимом жаждой славы, о человеке, закончившем полным крахом, всеобщим осмеянием и сумасшествием; но роман, основная тема которого – нравственность художника и искусства в целом, – такой роман в это время показался всем совершенно неожиданным, ещё более необъяснимым, чем предыдущие романы писателя, созданные в 30-е годы. Однако анализ обстоятельств европейской жизни конца 30-х годов в их соотносённости с духовной жизнью, мировоззрением Чапека в это время позволяет понять логичность и даже закономерность написания им романа о композиторе Фолтыне.

Для человека, мыслившего, как Чапек, тема нравственности и безнравственности была главной темой самой жизни 2-й половины 30-х годов. Приход к власти в Германии Гитлера, гонения на евреев, концлагеря и костры из книг, ужасы гражданской войны в Испании, обострение ситуации в Чехословакии, клеветническая кампания против Чапека, развязанная местными фашистами при поддержке обывателей, боящихся раздражать Гитлера, – всё это рождало впечатление, что мир сошёл с ума, точнее, – что мир отказался от самых основ нравственности в отношениях между людьми, между народами и государствами.

2-я половина 30-х в европейской жизни может быть названа эпохой торжествующей безнравственности. Но, теряя нравственность, жизнь теряла смысл, превращаясь в трагический абсурд. Антуан де Сент-Экзюпери, бывший свидетелем ужасов гражданской войны в Испании, видел, на что способны люди, забывшие о морали. В октябре 1938 года, сразу после Мюнхена, он дописывает и публикует в «Пари суар» третью часть своего очерка «Мир или война», которую печатает под заголовком «Нужно придать смысл человеческой жизни».

Чапек, человек благородной души, умевший ценить каждое мгновение бытия, тоже не мог согласиться с прогрессирующей

безнравственностью, обесмысливавшей жизнь. Он не мог смириться с тем, что в жизни и политике теперь торжествуют примитивные лгуны, авантюристы, люди без чести и совести, подобные Гитлеру и Муссолини. Своим последним романом Чапек решил показать, что всех таких людей ждёт бесславный конец.

В книге воспоминаний под названием «Чешский роман» жена писателя Ольга Шайнпфлюгова отметит:

Он начал писать «Фолтына», трагедию бездарного человека, несущего проклятие честолюбия, лжи, авантюризма. Этого тщеславного, экзальтированного поэта Чапек избрал для утверждения вечных и неприкосновенных законов подлинного искусства, которое нельзя ни подкупить деньгами, ни обмануть громкими фразами. Он хотел отвратить свой измученный поэтический слух от грызни политического манежа; хотел доказать, что всякий честолюбивый обман, всякие нечестные устремления людей и мира – лишь отвратительная ложь и судороги, из которых может родиться только трагический блеф. Вывернуть наизнанку малейшую фальшь, напыщенность, показать, что за ними – пустота. Ещё раз подтвердить, что в искусстве, как и в жизни, всё живое исходит только от живого, чистое – от чистого, что самая великая ложь не способна породить и крупницы истины².

Герой романа, Бедржих Фолтын, с юных лет возомнивший себя великим человеком, жаждет самоутверждения, и нет низости, на которую он не пойдёт ради этого. В юности он носится с замыслом симфонической поэмы «Ариель», но потом решает, что он должен войти в историю как автор оперы «Юдифь». Он не знает и знать не хочет о том, что история библейской Юдифи не раз воссоздавалась в драматургии, что она послужила фабулой операм русского композитора Александра Серова, француза Артура Онеггера, англичанина Юджина Гуссенса. Ему и в голову не приходит знакомиться с этими произведениями, потому что он пишет оперу не столько о Юдифи, сколько о себе, ибо опера для него, как и вообще искусство, – средство самовыражения, выражение своего «я». И как безнравственно это «я», так безнравственно и искусство в его представлениях. И поэтому можно присваивать себе написанное другими, выдавать чужое за своё и бесконечно лгать всем и вся.

Впрочем, на самом деле этим многого не добьешься, ведь люди очень скоро начинают понимать, кто ты есть на самом деле. Опустившегося полусумасшедшего честолюбца, рассказывающего всем о скорой премьере его оперы, никто всерьёз не воспринимает. Так бы всё и закончилось ничем, если бы каким-то молодым людям из состоятельных семей не пришла в голову мысль устроить для развлечения такую премьеру. Был арендован небольшой зал, наняты музыканты и певцы и даже напечатаны

² Там же, с. 228.

приглашения. Фолтын бежал по Праге и торжественно вручал их всем тем, кто так долго не верил в его триумф.

И это действительно был триумф: зал неистовствовал от восторга, счастливого Фолтына вызывали раз за разом, но в какой-то момент он вдруг уловил фальшь и издевательство в этом восторге, увидел злую насмешку в глазах аплодирующих. Внезапно он понял, что это не премьера оперы, героиней которой является Юдифь, а премьера беспощадного балаганного фарса, героем которого стал он сам, Бедржих Фолтын, честолобец, бездарность, лгун. Прямо здесь, на сцене, он сходит с ума и через три дня умирает в психиатрической больнице. Триумф обернулся полным крахом.

Иначе и быть не могло. Один из героев романа, музыкант Ян Троян, несомненно, выражающий точку зрения самого Чапека, говорит: «...Поверьте! – нет искусства вне добра и зла. Напротив, в искусстве для самой возвышенной добродетели и для самой низкой подлости и порока больше места, чем в какой-либо другой человеческой профессии»³. С этим трудно не согласиться, но какое отношение это имеет к политике?

Политика извечно считалась делом безнравственным или хотя бы внеэтичным. Эта мысль прямо высказывается в руководствах для политиков, начиная от написанного на рубеже XV-XVI веков известного трактата «Государь» итальянского мыслителя Николо Макиавелли до известной книги современного нам американца Роберта Грина «48 законов власти».

Но для Чапека именно этим объясняется драматизм мировой истории. Он всегда считал, что отношения между классами, нациями, государствами, конфессиями – это не какие-то совершенно иные по своей природе отношения, чем отношения между обычными людьми, что они гомогенны; они тоже должны строиться на уважении к другому, на стремлении услышать и понять другого, на извечных законах нравственности и человечности; и никакие классовые, национальные, государственные, конфессиональные ценности и идеалы не должны стоять выше ценностей человечности и законов нравственности, а иначе нас вновь и вновь будут постигать ужасы войны. Чем бы ни занимался человек – музыкой, как герой последнего чапековского романа, или политикой, – это занятие не должно основываться на лжи, эгоизме, демагогии. С их помощью можно даже на какое-то время оказаться на гребне, но рано или поздно крах неминуем – будь ты музыкантом или политиком.

Узнав о том, что произошло в Мюнхене, Чапек скажет жене:

Нас ожидает хаос, горе и унижения, ложь и множество напрасных смертей. Разверстый ад, предел глупости, на какую только способно самое умное на свете

³ К. Чапек, *Жизнь и творчество композитора Фолтына*, [в:] Чапек К. *Собрание сочинений в 7 томах*, Том 3, Москва 1975, с. 636.

существо – человек. Но не бойся за человечество, оно зализет все свои раны и стряхнёт все ошибки; пока это удаётся ему лишь на время, но когда-нибудь – и окончательно. Никто не может безнаказанно, без роковых последствий позволить себе какой бы то ни было произвол, судороги, скотство, потому что любой человек связан с нравственными законами больше, чем полагает. Даже тот, кто вконец одичал, должен будет покорно и униженно вернуться в свой нравственный хомут, без которого он погибнет, как обезумевшее животное; это неодолимый и неколебимый закон. Будь спокойна, когда-нибудь он дойдёт до сознания даже самого глупого народа⁴.

Этот неодолимый и неколебимый закон – не выдумка отдельных людей, это один из главных законов природы человека. К такому выводу приходит Чапек на исходе жизни. Как вспоминает Ольга Шайнпфлюгова, за несколько часов до смерти он сказал ей, прерывисто дыша: «Немцы будут страшно разбиты, потому что то, что они делают, против законов людской природы»⁵.

Как мы знаем, и это предвидение Чапека сбудется: то, что самодовольно и нагло начиналось в Мюнхене, униженно и позорно заканчивалось в Нюрнберге. Создавая свой последний роман, Чапек сказал однажды: «Мир полон Фолтынов, в политике и в искусстве, их нужно поставить на место». Карел Чапек поставил на место музыканта-авантюриста Фолтына. Политика-авантюриста Гитлера поставила на место история. Уже тогда Европа начала понимать, что, какой бы расчётливой и прагматичной ни была политика, она не имеет права быть безнравственной, иначе её неминуемо ждёт крах, постигший героя последнего романа Карела Чапека.

Библиография

- Шайнпфлюг К., *Осень с Карелом Чапеком*, [в:] *Карел Чапек в воспоминаниях современников*. Москва 1983.
- Шайнпфлюг К., *Чешский роман*, [в:] *Карел Чапек в воспоминаниях современников*. Москва 1983.
- Чапек К. *Жизнь и творчество композитора Фолтына*, [в:] Чапек К. Собр. соч.: В 7-ми т., Москва 1975, Т. 3.
- Scheinpflugová O., *Karel Čapek na frontě cti a rozumu*, [w:] Scheinpflugová O., *Živý jako někdo z nás*, Praha 2008.

⁴ К. Шайнпфлюг, *Осень с Карелом Чапеком*, [в:] *Карел Чапек в воспоминаниях современников*. Москва 1983, с. 231.

⁵ O. Scheinpflugová, *Karel Čapek na frontě cti a rozumu*, [w:] O. Scheinpflugová, *Živý jako někdo z nás*, Praha 2008, s. 130.

Ievgen Chernoiivanenko

Odesa I. I. Mechnikov State University, Ukraine

THE MYSTERY OF KAREL ČAPEK'S LAST NOVEL, "LIFE AND WORK OF THE COMPOSER FOLTYN"

Summary

Karel Čapek's novels of the 30-ies have been always an enigma for the theorists of literature and readers. They are undoubtedly great according to the artistic standard. It can be proved by the fact that Čapek, especially his novels, were proposed to take part in the Nobel Prize of 1936 by the number of famous European writers. By the way, it is a mystery why Čapek was writing those novels exactly at that time.

Why in early 30-ies, during the period of social, economical and political challenges in Czechoslovakia did he write his "philosophical trilogy" "Hordubal", "Meteor", "An Ordinary Life", considering in it mainly absolutely philosophical problem if a person can really get to know and understand another person? Why four years before the beginning of the Second World War, when nothing had predicted a future world catastrophe did he started to write the gloomiest his dystopia – the novel "War with the Newts"? Still, probably, the most paradoxical was considered to be his last novel "Life and Work of the Composer Foltyn", which he didn't finish.

The article states that for Čapek the reason of creative failures and different social conflicts is deviation of ethical canon. He always thought that relationship between classes, nations, states and religions is not unequal to the relationship between ordinary people as it had to be based on respect to the others, ability to try to hear and understand another person, on the ethical moral canon and humanism. No matter what is the occupation of the person – music as Foltyn's or politics – this occupation couldn't be based on selfishness, falseness and demagogy. Actually, because of them a person can be on the roll for some time but the failure is inevitable – both for a musician and a politician.

Key words: Karel Čapek, last novel, autobiographical context, politics, music.

ЧЕРНОИВАНЕНКО ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и компаративистики, декан филологического факультета Одесского национального университета имени И.И.Мечникова.

Основные направления научной деятельности – теория литературного процесса, русистика, богемистика, культурология.

Учебная деятельность (дисциплины, лекционные курсы) – Теория литературы; Введение в литературоведение; Методология литературоведческих исследований.

Научная работа – автор 80 печатных работ, в том числе монографии «Литературный процесс в историко-культурном контексте» (Одесса, 1997. – 712 с.).